

ЛЕОНИД
ЗОРИН

РАЗВЯЗКА

aegitas

Леонид Зорин

Развязка

«Aegitas»

2001

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6

Зорин Л. Г.

Развязка / Л. Г. Зорин — «Aegitas», 2001

ISBN 978-0-36-940759-7

Действие происходит в 1918 году на юге России. В доме известного писателя-либерала появляется женщина, убежденная террористка, с которой двенадцать лет назад у него был скоротечный роман. Теперь, как и тогда, проведя ночь наедине с ним, она отправляется на свой очередной “подвиг”...

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6

ISBN 978-0-36-940759-7

© Зорин Л. Г., 2001
© Aegitas, 2001

Содержание

1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Леонид Зорин

Развязка

aegitas

© Леонид Зорин

© Aegitas publishing house, 2022

1

25 февраля 1918 года. По календарю – зима, но одесский воздух веет весной. В доме Андрея Николаевича Дорогина после событий, отраженных в "Пропащем Сюжете", не произошло каких-то существенных перемен. Тот же аскетический стиль, что и двенадцать лет назад. Сейчас хозяин намерен поужинать. Вроде бы все уже на столе, но нет... отсутствует наиважнейшее. Дорогин вынимает из шкафчика недавно початую бутылку, располагает ее в самом центре, заправляет за воротник салфетку. В этот миг и раздается звонок. Лицо Дорогина выражает и удивление и недовольство. Идет в прихожую. Оттуда доносятся невнятные голоса. Возвращается с худой пожилой женщиной в черном.

Дорогин. Прошу вас, сударыня, в апартаменты. Вам нужен я, вы в этом уверены?

Гостья. Если вы Андрей Николаич Дорогин, то – безусловно.

Дорогин. Присядьте, сударыня. Надеюсь, я вас не слишком смутил таким старомодным обращением? Нынче в ходу слово "гражданка". Совсем как в Париже в веселые дни Великой Французской Революции, когда монарха гильотинировали. Есть, впрочем, и обращение "товарищ", но мы для него недостаточно коротки.

Гостья. Как вам привычней. Сойдет и "сударыня". Меня зовут Ангелина Петровна.

Дорогин. Отменное благородное имя. Чему обязан и чем могу вам служить?

Гостья. Ваш адрес я получила из рук некой Надежды Григорьевны Глебовой. Лет этак двенадцать назад ваш давний приятель по имени Марк направил к вам девушку, даже девочку – при встрече она назвала себя Верой. (Он молча смотрит на нее, не прерывает.) Надежда Григорьевна понимала – не ей одной вы давали пристанище, за столько лет могли и забыть. Она сказала, что если я дам вам эту газету, вы ее вспомните. Но осторожней – с течением времени бумага превратилась в лохмотья, может рассыпаться на клочки. Здесь обнародован приговор, вынесенный Надежде Глебовой за совершенное злодеяние – за покушение на сановника...

Дорогин (наклоня голову). Председателя Судебной палаты. Спрячьте газету. Точно такая же есть у меня, и я сохранил ее. Не знаю, что сказала вам Вера, но вряд ли то, что я мог забыть ее.

Гостья. На всякий случай. Чего не случается? Впрочем, она была убеждена, что вы помните.

Дорогин. Что значит "была"?

Гостья. Вера, как вы ее называете, верней – как она тогда назвалась – переселилась в мир теней.

Дорогин. Верочка?..

Гостья. Ее больше нет.

Дорогин. Я пробовал ее отыскать. Куда-то писал, просил отозваться, в ответ не получил и строки.

Гостья. Надеюсь, простите мне эту весть. В каждом из нас хватает твердости перенести чужую смерть. (Пауза.) Я вам испортила настроение. Вы только что присели поужинать.

Дорогин (выдергивает салфетку из-за ворота). Вы правы, Ангелина Петровна. Мы замечательно устроены. Хороним родителей, братьев, сестер, хороним друзей, хороним подруг и, как выясняется, выживаем. Твердости в нас, действительно, больше, чем у египетских пирамид.

Гостья. Да, жаль ее. Правда, за эти годы жизнь подешевела в цене. Война, мятежи, династия пала. Только и делаем, что теряем. Теперь, говорят, потеряли Россию. (Пауза.)

Дорогин. Где вы с ней виделись?

Гостья. На колесухе. На каторге, попросту говоря. Где же еще, Андрей Николаевич?

Дорогин. Так вы – оттуда?

Гостья (усмехнувшись). По мне – незаметно?

Дорогин. Простите, Ангелина Петровна. Чем я могу вам быть полезен?

Гостья. Завтра вечером я покину ваш город. А также – страну. И – навсегда. Просьба моя совсем такая ж, как у нашей общей знакомой, – позволить остаться у вас до утра. Кроме вас мне не к кому обратиться, появляться же в номерах мне не надо. На то у меня свои причины. Надежда Григорьевна, или Верочка, как вы привыкли ее называть, сказала мне, что вы не из тех, кто отказывает в ночлеге, к тому ж на такой недолгий срок.

Дорогин. Разумеется, Ангелина Петровна. Можете смело располагать – и мною, и этим скромным жилищем.

Гостья. Благодарю вас. Я понимаю, что приютить юную лань много приятней, чем старую женщину. Считайте, что вы приносите жертву в память о той, что здесь побывала.

Дорогин (скрывая раздражение). Сударыня, никаких жертв. Жертвы – не по моей части. И той, которая здесь побывала, я это пытался растолковать. К несчастью, я не был ею понят. *(Короткая пауза.)* Вы изучаете мой чертог. Прошу прощения за беспорядок.

Гостья. Я просто смотрю, как живут юмористы. Слыхала от Надежды Григорьевны: вы мастер по части веселых сюжетов.

Дорогин. Юмора с тех пор поубавилось. Во мне и в России – в нас обоих. Правда, остается привычка. Не столько замена, сколько инерция. Наматывает время на палец. Вот ваша постель, а вот и ширма, которою можете заслониться. Сейчас же прошу разделить мой ужин.

Гостья. Благодарю вас, вы очень добры. Она не однажды вспоминала, как вкусно вы ее накормили.

Дорогин. Увы, Ангелина Петровна, в те дни стихия народная лишь накапливала свою историческую мощь. Теперь же, когда она в полном цвете, снабжение заметно ухудшилось. Впрочем, что Бог послал, чем богаты и прочее, что говорят в этих случаях.

Гостья. Поверьте мне, я неприхотлива. Что-нибудь влажное найдется?

Дорогин. Что вы имеете в виду?

Гостья. Водку я имею в виду.

Дорогин. Ах, вот что. Этот продукт – в наличии.

Гостья. Налейте. Заодно и помянем. Вашу Верочку и мою Наденьку.

Дорогин (поднял стакан, но не выпил). Немыслимо.

Гостья. Что, Андрей Николаевич?

Дорогин. То, что ее больше нет. Немыслимо.

Гостья. Но отчего же? Вы только вспомните, какую была эта пичужка. Нечего сказать – каторжанка. По-вашему, она могла это выдержать?

Дорогин. По-моему? Да. Она – могла. Больше того, я был уверен.

Гостья. Напрасно, напрасно, вам так казалось. Там выжить могут такие, как я. Мрачные жилистые старухи. Которые ничего не ждут. Не видят снов. Не насилюют памяти. И не бормочут стихов наизусть.

Дорогин. Не спорю, Ангелина Петровна. Достаточно на вас поглядеть, чтобы представить ваши возможности.

Гостья. Что вы знаете о моих возможностях?

Дорогин. Догадываюсь, что они велики. Пожалуй, даже – неограничены. Ох, не смотрите так на меня. Делается не по себе. Вашим взглядом можно открыть бутылку.

Гостья. Зачем же, если она открыта? Вот кабы мы ее с вами достали со дна морского – другое дело. Нашли бы в ней привет обреченных.

Дорогин. Мороз по коже... Ваше здоровье. У вас поэтический угол зрения. Не зря оно проникает вглубь. Вы, верно, любительница стихов. Не меньше Верочки.

Гостья. Наблюдательны. Но все это было в другой моей жизни.

Дорогин. Божусь, что и теперь вы их помните.

Гостья. "Вот – мои воспоминанья: прядь волос, письмо, платок. Два обрывка вышиванья. Два кольца и образок".

Дорогин. Багаж не больно обременительный.

Гостья. Он тяжелей, чем вам представляется.

Дорогин. Прошу прощения. Мне бы понять, что с этим куплетцем нечто связано.

Гостья. Юность моя, Андрей Николаич. Вполне довольно, чтоб повторять этот куплетец с особым чувством.

Дорогин. Еще раз прошу меня извинить. Я поздно прочел господина Случевского, которого вы мне продекламировали. Моя юность была не схожа с вашей. Поэзии в ней не было вовсе.

Гостья. Она мне рассказывала.

Дорогин. В самом деле?

Гостья. Она любила о вас говорить.

Дорогин. А не рассказывала о том, как стал я искать пропавший листок, чтобы прочесть ей один сюжет, и вдруг наткнулся на бумажонку со странными цифрами и кружками, как вскинул свои изумленные очи и увидел в ее розовых пальчиках некий предмет. И черное дуло, глядящее на меня в упор.

Гостья. Я пользовалась ее доверием и слышала об этой истории. Нельзя отрицать, что ваше знакомство было из ряда вон...

Дорогин. Тем более, что тут же оно могло оборваться.

Гостья. Бедняжка. Но все же вы уцелели. О вашей гостье не скажешь и этого. Нашли вы потом тот пропавший листок?

Дорогин. Еще бы. Лежал перед самым носом.

Гостья. Пропавший и найденный вновь сюжет. "Потерянный и обретенный рай".

Дорогин. Мильтона вспомнили? Слишком звонко для завалящего юмориста. (*После паузы.*) Что она вам еще говорила?

Гостья. Еще она говорила о том, как ранним утром, перед уходом, смотрела долго на ваше лицо, пока вы спали, и понимала, что это лицо ей стало родным. (*Усмехнувшись.*) О страшном, о черном не говорят. В особенности, на колесухе. Похоже, что вы были ей дороги.

Дорогин. Ах, Боже правый!.. Неудивительно, что она помнила обо мне. Я был последним человеком ее свободы. Так оно вышло. После меня началась Голгофа. Но – дорог... Вы говорите – дорог? Я должен был встать на ее пути, не дать ей ступить за порог, не пустить. Должен был не спускать с нее глаз. Пусть я не знал, но что-то же чувствовал. Но оказалось, не чувствовал, нет! Заснул. Как бессмысленное бревно. И не проснулся даже тогда, когда она прощально смотрела. Я дал ей уйти – на смерть и муку. Подобный фрукт не может быть дорог.

Гостья. Женщины – страшные существа. Выпьем-ка, Андрей Николаич, за то, чтобы вы обрели равновесие. Она мне сказала, что именно так вам удалось ее отрезвить, когда она чуть вас не пристрелила.

Дорогин. Сочный глагол.

Гостья. Точный глагол. Им-то и жгут сердца людей. (*Осушила стаканчик.*) Что вы так смотрите на меня?

Дорогин. Похоже, Ангелина Петровна, вы человек очень серьезный.

Гостья. Не поясните ли, что вы вкладываете в эту столь лестную аттестацию?

Дорогин. Лишь то, что окажись вы тогда на месте той девочки, вряд ли я смог бы нынче вас принимать у себя. Не стоит пить за мое равновесие. Выпьем за русскую революцию.

Гостья. Я думаю, юмористу уместней найти для тоста иной предмет.

Дорогин. Но отчего же? Ведь цель революции, как ведомо, – идеальное общество. А кто его лучше изобразил, чем мой собрат Джером Ка Джером? Члены его идеального общества

гения распознавали в младенчестве и, распознав, швыряли с обрыва, не дав ему прожить и двух дней. И были, разумеется, правы – там, где гений, там не может быть равенства. А без равенства – нет идеального общества. И вообще – обнаружить гения в высшей степени вредно для самочувствия, не говоря уж о самосознании. Крайне обидно, черт побери. А посему – долой вундеркиндов! С обрыва! Скатертью им дорога.

Гостья. Ваш остроумный британский коллега вряд ли достаточно авторитетен. Англичанам не удалась революция.

Дорогин. Не удалась. И в том их удача. Революция – слово амбициозное и прельстительное, но символическое. Проще сказать, его репутация не соответствует его сути. Однажды зависть, нужда и злоба смешиваются в этакий ерш – и вот оно: мечты воплощенье! Пренная жизнь была неразумна, вдоволь и скуки и рутины, но были свои ручейки и пригорки. Всякие масленицы и святки. Где они? Не видать, не слышать. Это простак Некрасов так думал, что вынес достаточно русский народ. Оши- бочка-с. Отнюдь недостаточно.

Гостья. Не доблесть – поёрничать над тем, что людям хочется справедливости.

Дорогин. Опять символическое словцо. Друг мой, одна справедливость у жертвы, совсем другая – у палача. Одна – у Творца – у того, что на небе, и у того, что на земле, и совершенно иная – у цензоров. Не смейтесь, и Бог подлежит цензуре.

Гостья. Чьей же?

Дорогин. А хоть бы— и нашей с вами. Мы ведь все время хотим исправить его раздражающие просчеты таким красным карандашом. Не зря же у карандаша цвет крови.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.